

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1917–1918 гг.**Константинов Сергей Иванович**

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), e-mail: konstantinov2904@mail.ru

На основе архивных документов освещен вопрос деятельности тюремной секции Комитета общественной безопасности Екатеринбурга после Февральской революции 1917 г. Описаны условия содержания заключенных в тюрьмах города, судьбы тюремной администрации.

Ключевые слова: тюрьмы Екатеринбурга, Комитет общественной безопасности, тюремная секция, Следственная комиссия

DETENTION FACILITIES IN YEKATERINBURG IN 1917–1918**Konstantinov Sergey**

Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: konstantinov2904@mail.ru

Basing on the archival documents the author investigates activities of the prison section of the Yekaterinburg Committee of Public Security formed after the February Revolution of 1917. He describes the prison conditions and the fate of prison authorities.

Key words: prisons in Yekaterinburg, Committee of Public Security, prison section, Investigative Commission

Смена государственного строя в феврале 1917 г. позволила осуществить ряд мер по демократическому преобразованию тюремной системы России. Идеи местного законодательства, присущие всем революциям, коснулись и тюремной системы. Кроме широкомасштабной амнистии предпринимались разнообразные попытки передать управление тюрьмами выборным органам из числа администрации и заключенных и другие подобные преобразования. Правда, специальный циркуляр Главного управления по делам мест заключения (ГУМЗ) уже 17 августа 1917 г. прекратил эти новые веяния, установив полное единоначалие в местах заключения.

Тем не менее в результате проведенной Временным правительством 1 марта 1917 г. амнистии из 155 134 заключенных, содержащихся в местах лишения свободы в стране к февралю, было освобождено 88 097, в том числе 5737 осужденных по политическим мотивам¹. Уделяли внимание местам заключения и возникшие на местах новые органы власти – комитеты общественной безопасности.

Что представляли собой пенитенциарные учреждения Екатеринбурга в революционном 1917 году? Екатеринбургский тюремный замок, как он тогда назывался, был возведен еще в 1828–1830 гг.² В начале XX в. Екатеринбургский тюремный замок (тюрьма № 1), в котором в то время содержались уголовные и политические преступники и который к тому же являлся пересыльной тюрьмой, называли «уго-

¹ Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 17, 19.

² Возглавил строительство архитектор М. П. Малахов. Этот известный далеко за пределами России архитектор, один из зодчих Санкт-Петербургского Исаакиевского собора, жил в центре горнозаводского Урала в первой половине XIX в. В числе его лучших творений, по сей день украшающих Екатеринбург, – знаменитый Дом Малахова и собор Александра Невского в Ново-Тихвинском женском монастыре.

ловной» тюрьмой¹. В настоящее время на его территории находится следственный изолятор № 66/1 (ул. Репина, 4). Так называемый Арестный дом (или тюрьма № 2), приспособленный к содержанию узников значительно позже, до 1917 г. официально назывался «Екатеринбургским помещением арестуемых по приговорам Городских Судей и Земских Начальников». В настоящее время в этом помещении находится один из корпусов Городской клинической больницы № 1 возле площади Обороны в Октябрьском районе Екатеринбурга².

Напомним, что после известий о смене власти в Петрограде стихийно начали формироваться новые органы власти и на местах. Уже 4 марта 1917 г. на собрании гласных городской Думы, членов Екатеринбургского комитета Союза городов и представителей общественных организаций, состоявшемся в зале музыкального училища, был создан Комитет общественной безопасности (КОБ) Екатеринбурга. На первом заседании Исполнительной комиссии КОБа, прошедшем 6 марта, было решено «для избежания эксцессов со стороны населения» подвергнуть домашнему аресту полицмейстера Екатеринбурга Н. А. Ключникова, уполномоченного по охране генерала Ф. Э. Фортвенглера, арестовать жандармского ротмистра А. А. Ивановского и жандармских вахмистров, а также бывшего уполномоченного по охране, ныне председателя уездного съезда генерала Н. А. Нецветаева³.

Были ли эти люди первыми заключенными нового режима в екатеринбургских тюрьмах? Нет, все они вскоре были освобождены. Уже 11 марта по требованию комиссара Временного правительства в Пермской губернии Е. Д. Калугина освобожден генерал Нецветаев⁴. В марте отправлены в действующую армию жандармские вахмистры⁵. Позднее, 6 мая, отправлен в действующую армию жандармский подполковник Стрельников⁶. Руководителю екатеринбургских жандармов ротмистру А. А. Ивановскому решением Следственной комиссии заключение было заменено домашним арестом, а затем он также отправлен на фронт⁷. Находившийся под домашним арестом полицмейстер Ключников 5 августа освобожден под залог, причем после оправдавшего его суда⁸.

Сложнее обстояло дело с заключенными тюрем Екатеринбурга, оказавшимися там еще до «освободительной революции» и не попавшими под амнистию. Для решения вопросов демократизации режима содержания заключенных 30 марта КОБом была избрана специальная тюремная секция⁹.

Первое заседание секции состоялось 5 апреля 1917 г. на квартире Александры Александровны Конюховой. На нем присутствовали Н. Н. Васильев, Л. И. Троицкий, А. Н. Никитин, Т. Ф. Протасов, Гайор-Латон и Галлямов, а также хозяйка квартиры. Председателем секции был избран Н. Н. Васильев, товарищем председателя –

¹ Самый известный узник этой тюрьмы – Я. М. Свердлов, сидевший здесь в 1906–1908 гг., – по злой иронии судьбы стал инициатором заточения царской семьи именно в Екатеринбурге (*Болковский А. История екатеринбургской тюрьмы // Урал. 2007. № 12*).

² *Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб., 2013. С. 547.*

³ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 2об.

⁴ Там же. Л. 7.

⁵ Там же. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.

⁶ Там же. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 66.

⁷ Там же. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 40. Л. 22, 23.

⁸ Там же. Д. 42. Л. 42.

⁹ Там же. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

А. А. Конюхова, секретарем – Л. И. Троицкий¹. Однако уже через две недели, 21 апреля, на посту председателя секции Н. Н. Васильева сменила А. А. Конюхова. Товарищем председателя стал А. Р. Рыковский².

Члены тюремной секции поначалу горячо взялись за дело. Уже 7 апреля они посетили Екатеринбургскую городскую тюрьму. Согласно докладу секции Комитету общественной безопасности о результатах инспекции на тот момент в тюрьме содержалось 179 человек³. Из них подследственных было 115 мужчин и 21 женщина; осужденных – двое мужчин и 13 женщин; в исправительном отделении содержалось 20 мужчин. Кроме того, здесь же находились двое мужчин и шесть женщин, приговоренных к каторжным работам. Таким образом, в тюрьме содержалось 139 мужчин и 40 женщин. При этом из 115 подследственных мужчин 11 человек были уже назначены к отправке к местному воинскому начальнику для следования на фронт согласно их желанию⁴.

Насколько необходима была инспекция тюрьмы, можно судить по тому, что на заседании КОБа 8 марта было принято решение телеграфировать комиссару Временного правительства по Пермской губернии Е. Д. Калугину о немедленном увольнении начальника тюрьмы, а также надзирателей Голикова и Лапенко. Предложено было также увеличить суточный паек на содержание арестованных с 26 до 40 коп.⁵ Для сравнения отметим, что арестованному 6 марта и содержавшемуся на гарнизонной гауптвахте жандармскому ротмистру А. А. Ивановскому как офицеру был назначен паек 3 руб. в сутки⁶.

Принятые решения претворялись в жизнь небыстро. На заседании КОБа только 24 мая было заслушано заявление тюремной администрации, а также служащих и заключенных о желательности назначения на должность начальника тюрьмы Павла Петровича Шечекова. Но ходатайство не было удовлетворено, и Шечеков остался только исполняющим обязанности начальника тюрьмы⁷.

В результате Февральской революции, как отмечают современные исследователи, в истории страны даже был один день, когда в тюрьмах не оставалось ни одного человека. Более того, царские тюрьмы как наиболее одиозные учреждения царского режима были буквально демонтированы. В 1917–1918 гг. эта участь постигла более 400 пенитенциарных заведений России⁸. Трудно сказать, насколько верно это

¹ ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 49. Л. 6.

² Там же. Л. 1.

³ Для сравнения отметим, что к июню 1919 г., т. е. через год после занятия города чехословаками и «белыми», общее число заключенных в тюрьмах № 1 и 2 достигало 2000 человек. За день до занятия Екатеринбурга «красными» 700–800 человек из тюрьмы № 1 и 256–257 человек из тюрьмы № 2 под охраной гарнизонной команды капитана Алексева были отправлены в Иркутск. Тюремная стража была малочисленна и снаружи тюрьма охранялась лишь четырьмя юнкерами Екатеринбургской инструкторской школы. Начальник гарнизона Демерт выделил солдат для охраны оставшихся только утром 13 июля, когда к городу уже подходили «красные». Последняя партия заключенных пешим порядком была выведена из города во главе с начальником тюрьмы Шечековым и его помощниками Шурыгиным и Трубниковым (Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 103. Л. 57).

⁴ ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 49. Л. 9.

⁵ Там же. Д. 57. Л. 7об.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 85, 87.

⁸ Смыкалин А. С. История судебной системы России. М., 2010. С. 126.

утверждение, но что совершенно точно – Екатеринбургского тюремного замка эта участь не коснулась. И даже старая администрация оставалась на своих местах¹.

Ко второй половине июня 1917 г. заключенных в Екатеринбургской тюрьме насчитывалось 113 человек. Положение со снабжением и питанием их оставалось все таким же неудовлетворительным. При этом заключенные продолжали содержаться на 26 коп. суточных. Из-за полного отсутствия инвентаря не удавалось организовать работу заключенных-мужчин. Работали только женщины. На заседании КОБа звучали предложения о приобретении для тюрьмы коров, о необходимости разведения кур для улучшения питания заключенных². Но эти предложения остались только на бумаге. Дело в том, что уже 27 июля 1917 г. на заседании КОБа был поставлен вопрос о ликвидации дел Комитета. А 1 сентября вся власть в городе перешла в руки органа, состоявшего из местных (окружного и областного) комитетов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов³.

Тем временем беспорядки в городе нарастали. Старая полиция была распущена, а частично арестована. Новая народная милиция, значительно пополненная офицерами и солдатами гарнизона, из-за своей неопытности с поддержанием порядка не справлялась. Была предпринята попытка привлечь к поддержанию порядка представителей городской общественности. На заседании объединенной Следственной комиссии КОБа и Совета рабочих и солдатских депутатов с представителями общественных организаций, судебного ведомства, милиции, полковых судов и комитетов 1 августа 1917 г. начальник народной милиции Н. Н. Надеждин ознакомил собрание с обстановкой в городе. Было сообщено об участившихся за последнее время случаях самосуда толпы над ворами и хулиганами и необходимости принять срочные меры по пресечению подобных инцидентов.

Собравшиеся «ответили» на этот призыв избранием комиссии из 12 человек для выработки инструкции по борьбе с самосудами и преступлениями⁴. Надо ли говорить об эффективности подобного решения?

Тем более что беспорядки в городе множились из-за действий не только преступников и хулиганов, но и солдатской массы гарнизона. Так, 14 августа был арестован на 10 суток за беспорядки в женском «Батальоне смерти» его командир, прапорщик 124-го пехотного запасного полка Харилев⁵.

Не способствовали наведению порядка и дисциплины и распоряжения столичного Временного правительства. Постановление № 135, опубликованное 20 августа 1917 г., требовало дела о лицах, арестованных во внесудебном порядке, рассматривать только Губернской (Областной) комиссией. При этом ее еще предстояло организовать. Как отмечалось на заседании Следственной комиссии, это только увеличивало бюрократическую волокиту, в результате которой находящиеся под арестом обвиняемые

¹ В декабре 1923 г. председатель Уралоблсовета А. Г. Белобородов вспоминал, что, когда подыскивалось помещение для размещения царской семьи, он с членом Президиума Облсовета левым эсером Хотимским посетил и Екатеринбургскую тюрьму № 1. Начальником ее был, как вспоминал Белобородов, некто Шечнов (более точно – Шечков Павел Петрович. – С. К.), бывший помощник начальника Пермской тюрьмы в 1911–1912 гг., когда там сидел сам Белобородов; Шечков неоднократно отправлял Белобородова под арест в карцер (*Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. 2-е изд. Екатеринбург, 2008. Т. 2. С. 59*). Шечков оставался начальником тюрьмы после занятия города и «красными», и «белыми» (ЦДОССО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 103. Л. 57–60).

² ГАСО. Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 57. Л. 98.

³ Там же. Л. 100–103.

⁴ Там же. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 35об.

продолжали содержаться в заключении, а их семьи находились в тяжелом материальном положении¹.

От борьбы с преступностью отвлекала и борьба с представителями свергнутого царского режима. Прокурор Екатеринбургского окружного суда отношением своим от 17 августа № 19765 сообщил Следственной комиссии по производству следствия над провокаторами и бывшими сотрудниками полиции о полученной им от прокурора Казанской судебной палаты телеграмме. В ней предписывалось: аресты вновь открываемых секретных сотрудников полиции возможны только по приказу министра внутренних дел по согласованию с военными начальниками через уездного и губернского комиссара.

«Такой длительный путь для испрошения разрешений на право ареста установленных секретных сотрудников и провокаторов, – говорилось в запросе Следственной комиссии на имя министра внутренних дел от 23 августа, – отнимает гарантию на то, что по получению приказа МВД подлежащий аресту... не изменит своего местожительства»². По-видимому, именно таким исходом закончилась попытка ареста бывшего прокурора Окружного суда А. А. Гилькова, который скрылся из города. Руководство Следственной комиссии (прапорщики военного времени Н. Н. Селянин, А. Г. Клевенский, М. П. Самоквасов при секретаре солдате Е. П. Сюткине) просило у министра внутренних дел разрешения санкционировать аресты решением прокурора местного суда³.

Все изменилось с приходом к власти в октябре большевиков. Революционеры не щадили ни себя, ни других. Ярko и наглядно об этом повествуют воспоминания Я. М. Юровского (1878–1938), солдата военного лазарета, члена РСДРП(б) с 1905 г. Это именно он станет членом Уральского областного и Екатеринбургского советов, заместителем председателя облЧК и областного комиссара юстиции, руководителем казни царской семьи.

Приведем отрывок из воспоминаний Юровского, записанных в 1934 г. (сохранены орфография и пунктуация источника), так как лучше очевидца и активного участника тех событий сказать трудно: «Существовала до октября следственная комиссия по революционным делам, председателем которой был меньшевик прапорщик Селянин, и его заместитель тоже прапорщик Клевенский. После октября решено было председателем следственной комиссии послать большевика. Вскоре, насколько я помню, меня назначили председателем этой комиссии.

Несколько позже, насколько помню, на заседании Совета было постановление об организации революционного трибунала. Первым председателем революционного трибунала на этом же заседании был избран один из матросов в свое время присланный (в числе трех других Я. М. Свердловым) матрос Лобанов, председателем следственной комиссии революционного трибунала избран был я...

Председатель Революционного трибунала Лобанов оказался не на высоте положения, совершал проступки, за которые решено было его снять и предать суду. Помню, заседание Исполкома на которое был вызван Лобанов (председателем тогда уже был Сергей Егорович Чуцкаев) т. Голощекин, тогда первый комиссар Юстиции Уральской области, доложил о действиях Лобанова и когда Голощекин докладывал, Лобанов бросил реплику – А что-ж, ты меня может быть хочешь расстрелять. –

¹ ГАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

² Там же. Д. 37. Л. 1.

³ Там же.

Филипп ответил, если нужно и расстреляю. Он тогда же был обезоружен, арестован и отправлен в тюрьму...

Предан был мною суду и председатель Областной следственной комиссии по уголовным делам прапорщик Клевенский, который был также мною арестован, как с ним кончилось я не помню, но арестован он был по заслугам»¹.

Вернемся к еще одной тюрьме, находившейся в городе. В тюрьме № 2 весной 1918 г. содержались высокопоставленные лица, арестованные по политическим мотивам, в том числе бывший председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов, епископ Гермоген (в миру Г. Е. Долганев), а также приближенные и слуги царской семьи. Это были генерал-майор, князь, один из последних представителей рода Рюриковичей В. А. Долгоруков; представитель рода основателя Екатеринбурга В. Н. Татищева, генерал-лейтенант, граф И. Л. Татищев; графиня А. В. Гендрикова; Е. А. Шнейдер; А. А. Волков; И. Д. Седнев; К. Г. Нагорный.

Заместителем начальника тюрьмы № 2 тогда был бывший ротмистр Пермского губернского жандармского управления П. П. Шечеков, занимавший эту должность, как уже отмечалось, еще до 1917 г. и проявлявший сочувствие к заключенным².

Карьера Шечекова складывалась следующим образом. В 1914 г., незадолго до начала войны с Германией, он стал помощником начальника Екатеринбургского тюремного замка. После ухода непосредственного начальника на фронт Шечеков был назначен временно исполняющим его обязанности. В марте 1917 г. он принялся писать «обращения» во все инстанции, изображая из себя «жертву царизма», при котором его якобы «зажимали». Поливание грязью «проклятого прошлого» подействовало, его утвердили на посту начальника тюрьмы.

При помощи уже апробированных методов Шечеков сумел удержаться в этой должности не только при Временном правительстве и советской власти, но и после прихода в Екатеринбург «белых». Но военное противостояние становилось все более ожесточенным, и уже осенью 1918 г. вполне могли наказать даже за факт работы при «красных». Стремясь избежать столь нежеланной участи, Шечеков установил в тюрьме жесточайший режим. При этом начальник замка не жалел даже собственных бывших сослуживцев, трудившихся с ним при советской власти. Он не единожды проявлял инициативу, добываясь их осуждения и расстрела.

Показательно, что столь беспринципное приспособленчество в итоге оказалось бесполезным. Спустя лишь год эвакуировавшийся в Сибирь «хамелеон» был схвачен чекистами и как «матерый враг трудового народа и советской власти» подпал под «высшую меру социальной защиты»³.

Но пока, весной 1918 г., режим содержания заключенных в этой тюрьме был вполне либеральным. Так, в связи с недостатком снабжения заключенным разрешалось закупать продовольствие на свои деньги. По инициативе князя Г. Е. Львова, арестованного

¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 28. Л. 31–33.

² Жук Ю. А. Указ. соч. С. 195. Либеральный режим содержания заключенных изменился, когда начальником Екатеринбургской тюрьмы № 2 при большевиках в начале 1918 г. был назначен старший из братьев Кабановых – Михаил Георгиевич (1879 г. – 1960-е гг.). Член РСДРП с 1912 г., рабочий на строительстве динамитного завода в пос. Таватуй Екатеринбургского уезда, он был братом Алексея Кабанова – участника расстрела царской семьи, в последующем видного чекиста. В дальнейшем Михаил остался на партийной и советской работе. В частности, жестокими мерами проводил коллективизацию на Северном Кавказе. Затем – персональный пенсионер. Жил в Пятигорске (Плотников И. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 221).

³ Болковский А. Указ. соч.

12 марта в Тюмени и доставленного в Екатеринбург, во дворе тюрьмы был обустроен огород из четырех грядок, который возделывался руками арестантов¹.

Дальнейшая судьба заключенных Екатеринбургской тюрьмы № 2 подробно исследована в монографии Ю. А. Жука «Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге», изданной в Петербурге в 2013 г.

Ограничимся этими штрихами к описанию бурного периода существования тюрем Екатеринбурга в 1917–1918 гг.

Библиография

Болковский А. История екатеринбургской тюрьмы // Урал. 2007. № 12.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 25, 35об; Д. 37. Л. 1; Д. 40. Л. 4, 22, 23, 42.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1573. Оп. 1. Д. 49. Л. 1, 6, 9; Д. 57. Л. 2об, 7, 7об, 15, 66, 85, 87, 98, 100–103.

Жук Ю. А. Претерпевшие до конца. Судьбы царских слуг, оставшихся верными долгу и присяге. СПб., 2013.

Плотников И. Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. 2-е изд. Екатеринбург, 2008. Т. 2.

Смыкалин А. С. История судебной системы России. М., 2010.

Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Справка. Л. 379–387; Д. 103. Л. 57–60; Оп. 2. Д. 28. Л. 31–33.

Bibliography

Bolkovskij A. Istorija ekaterinburgskoj tyur'my // Ural. 2007. № 12.

Centr dokumentacii obshhestvennykh organizacij Sverdlovskoj oblasti (CDOOSO). F. 41. Op. 1. D. 94. Spravka. L. 379–387; D. 103. L. 57–60; Op. 2. D. 28. L. 31–33.

Gosudarstvennyj arxiv Sverdlovskoj oblasti (GASO). F. R-1198. Op. 1. D. 2. L. 1, 25, 35ob; D. 37. L. 1; D. 40. L. 4, 22, 23, 42.

Gosudarstvennyj arxiv Sverdlovskoj oblasti (GASO). F. R-1573. Op. 1. D. 49. L. 1, 6, 9; D. 57. L. 2ob, 7, 7ob, 15, 66, 85, 87, 98, 100–103.

Plotnikov I. F. Pravda istorii. Gibel' carskoj sem'i. 2-e izd. Ekaterinburg, 2008. T. 2.

Smykalin A. S. Istorija sudebnoj sistemy Rossii. M., 2010.

Smykalin A. S. Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii. Ekaterinburg, 1997.

Zhuk Yu. A. Preterpevshe do konca. Sud'by carskix slug, ostavshixsya vernymi dolgu i prisysage. SPb., 2013.

¹ Г. Е. Львов и арестованные вместе с ним А. В. Голицин, Н. С. Лопухин и Н. В. Заболотских без суда были освобождены 4 июня 1918 г. и проследовали в Сибирь. Князь Г. Е. Львов скончался в Париже в 1925 г. (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 94. Справка. Л. 379–387). См. также: *Жук Ю. А.* Указ. соч. С. 547.